

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ
CURRENT ISSUES AND TENDENCIES OF MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE IN KAZAKHSTAN

Әбіл Е.А.

*Костанайский государственный педагогический институт,
Костанай, Казахстан*

Аннотация

Рассматриваются проблемы современного состояния исторического знания в Республике Казахстан, связанные с методологическим кризисом, поиском национальной идентичности, роли исторического знания в условиях формирования суверенного государства. Намечаются основные тенденции развития исторической науки в Казахстане в контексте общемировых процессов.

Ключевые слова: политизация истории, мифологизация истории, методология истории, история Казахстана.

Keywords: politicization of history, mythologization of history, methodology of history, history of Kazakhstan.

Последние десятилетия ознаменовались закономерным ростом интереса общества к историческому прошлому. Это объективный процесс, вызванный поиском национальной идентичности в условиях формирования суверенного государства, подъемом этнического самосознания.

Исторической памяти как устойчивой системе представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании, свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого. Анализ исторической памяти предполагает учет взаимоотношений поколений и позиций государственной власти, осуществляющей патриотическое воспитание. Злоупотребления историей особенно чудовищны при авторитарных и деспотических режимах.

Однако они практикуются и в обществах, допускающих широкую свободу мнений, но располагающих «особой системой регламентации, включающей скрытые механизмы ограничений и поощрений вполне определенных концепций...

Борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться» [5, с. 50].

Одним из основных принципов исторической науки должен быть отказ от политизации истории, привлечения исторических исследований для решения современных политических проблем. Историческое сознание является частью этнического самосознания, поэтому любое непродуманное

(тем более, осознанное) применение исторической науки для реализации чьих-бы то ни было политических амбиций бесперспективно и недальновидно. Так, российский исследователь В. Пузанов на основе анализа исторических источников утверждает, что современные территории Костанайской и Северо-Казахстанской областей были раньше освоены русскими, а не казахами, которые, «прикочевав к границам России, потеснили волжских калмыков, а в Зауралье башкирское и русское промысловое население с верховий Тобола и Ишима, с Уя.

Поэтому пограничный русско-казахский в Зауралье конфликт из-за приишимских территорий никак не может быть объяснен пресловутой «колониальной политикой царизма» хотя бы потому, что русские освоили их первыми» [4, с. 133].

Так ли это? Безусловно, так. Но В. Пузанов не учитывает, что до калмыков на этой территории кочевали те же казахи и родственные им ногайцы. А до ногайцев – их предки – кыпчаки. А до кыпчаков – тюркоязычные хунну и угры – предки хантов, манси и венгров. А до них – ираноязычные племена – предки осетин и памирских таджиков [2, с. 36–69].

Другими словами, при желании в историческом прошлом всегда можно найти подходящий сюжет для обоснования тех или иных претензий и амбиций.

Именно поэтому следует четко отделять историю и современность. Никакие события в прошлом не могут быть использованы для принятия политических решений в настоящем. Ошибка политического истеблишмента прибалтийских стран – попытки наказать русскоязычное население за преступления сталинского СССР. Также несправедливо возлагать ответственность на современную Россию за голодомор в Украине или ответственность на современную Турцию за геноцид армян. У каждого этноса есть в истории трагические страницы, однако восстанавливать «историческую справедливость» за счет потомков «обидчиков» – путь, который ведет только к обострению и воспроизводству существующих конфликтов.

Большое количество публикаций различного качества и глубины анализа пока не ведет к сближению истории как формы коллективного сознания и истории как науки. Ряд исследователей считают, что избыток информации стал новой формой загрязнения среды, окружающей человека, и привел, в частности, к росту исторического невежества политиков, о чем с горечью писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «...современные руководители европейской политики знают историю гораздо хуже, чем их предшественники в XVIII и даже XVII столетиях..., уже в XIX в. историческая культура начала убывать...» [3, с. 152].

Политическая аффелированность исторической науки уже стала аксиоматической истиной. Действительно, для достижения различных целей политиками активно используются «исторические» данные и происходит объективная манипуляция историческим сознанием общества. Институты власти, активно воздействующие на средства массовой информации и обладающие неограниченными ресурсами, способны влиять на развитие исторической науки и определять приоритетные направления исследований. Зачастую имеет место политический заказ не только на тематику исследований, но и на их результаты. Это особенно актуально для истории современности, так как субъект и объект исследования сосуществуют, многие персонажи исторического исследования сами являются активными политиками и объективно заинтересованы в определенных результатах научного поиска историков.

Такое вмешательство государства в научный процесс неприемлемо, так как сам феномен науки заключен в возможности и необходимости критичного отношения к любому наблюдаемому и изучаемому явлению. Ученый должен, обязан сомневаться в истинности любого положения и лишь после тщательного анализа всех возможных факторов прийти к выводу об истинности или ложности тех или иных постулатов. Существующий в научной среде принцип организованного скептицизма предписывает не принимать ни одно положение на веру, считать его ложным, пока автор убедительно не докажет обратное. Подобная «презумпция виновности» является фильтром, отсеивающим лженаучные, шарлатанские, фальсифицированные «теории» и «открытия».

Любая же попытка нормативно запретить ученому сомневаться, любой закон, предписывающий принять какое-либо положение на веру, приводит к мифологизации истории. Так, крайне мифологизированы и фактически выведены из сферы научной критики такие проблемы, как геноцид армян в Османской империи и «холокост» – геноцид евреев в нацистской Германии. Эти темы – табу для историка, любое сомнение в их объективности преследуется в уголовном порядке, соответственно, существующие на эти темы публикации формально научными считаться не могут.

Определенная мифологизация истории существует и в исторической науке Казахстана. Эта проблема является одной из основных и наиболее актуальных в современной истории войн. Так, в истории казахско-джунгарских войн значительное место занимает героизация казахских батыров и демонизация их противников, причем причина данной мифологизации была совершенно понятна – обосновать необходимость присоединения Казахстана к России как альтернативы истребления со стороны джунгар. Эта концепция,

появившаяся еще в недрах российской имперской официальной историографии, получила распространение в советской науке.

Рождается теория, согласно которой «добровольное» присоединение к России в XVII–XIX вв. иных народов и государств рассматривается как наименьшее зло по сравнению с бесчеловечным гнетом джунгар, турок, персов и прочих завоевателей. Прежде всего, в новых работах исчезает слово «завоевание». Его заменяют более нейтральным – «присоединение».

Нельзя сказать, что в этом не было смысла. Безусловно, слово «присоединение» более точно, лучше отражает всю сложность исторического процесса, включавшего в себя явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения. И все же побуждающим импульсом к такому переосмыслению были отнюдь не поиски научной истины, а определенные идеологические тенденции.

Если в советское время такая теория была понятна и обоснована, то сохранение ее в период независимости непонятно и вредно. Она уже не служит никаким идеологическим соображениям, кроме создания превратного представления о характере и особенностях военных действий на территории Казахстана.

Так, учет того факта, что во время казахско-джунгарской войны 1643 г. влиятельный калмыцкий тайша Кунделен, кочевавший в Северном Казахстане, выступил в качестве союзника казахского султана Жангира и противника Джунгарии и Волжской Калмыкии, полностью меняет наши представления об особенностях стратегии в период казахско-джунгарских столкновений. И таких, «незамеченных» официальной историей, фактов много.

Сегодня мы сталкиваемся с еще одним фактом – наличием купюр в опубликованных источниках, либо отсутствием ряда важных источников в опубликованных сборниках по истории Казахстана.

Так, сведения о казахско-русских военных столкновениях конца XVII в. есть в Есиповской летописи, опубликованной полностью в Полном собрании русских летописей [1]. В то же время во втором томе сборника «История Казахстана в русских источниках» данные сведения отсутствуют [6].

В связи с этим перед исследователем встает актуальная задача – вернуть историческим документам их первоначальное содержание.

В статье российского исследователя В. Тураева, поднимающего сходные вопросы в отношении российской историографии, содержится анализ сборников документов о присоединении к России народов Сибири, который показывает далеко не случайный характер купюр в опубликованных документах. Опубликованные в разные годы, в разных изданиях, разными творческими коллективами, все они, тем не менее, отражают одну

общую тенденцию – снять неудобные для советской официальной историографии вопросы, отретушировать факты, ввести их в «прокрустово ложе» концепции «добровольного вхождения». На самом деле совсем не простым и не мирным было присоединение Сибири и Дальнего Востока к России. Нет практически ни одного, даже самого маленького народа, который оказался бы в ее составе по собственной воле [7].

В целом в отечественной истории на сегодняшний день слабо наблюдаются тенденции, характерные для мировой исторической мысли. Казахстанскую историческую науку обошел стороной постмодернистский бум, очень робко начинают проникать исследования в рамках популярных на западе и в России микроистории и гендерной истории. Тем не менее, процессы, происходящие в мировом научном пространстве, оказали благотворное воздействие на историческую науку Казахстана. Произошел отказ от жестких априорных схем любого рода, претендовавших на обладание непогрешимой истиной, и связанного с этим строгого линейного детерминизма в объяснении исторического процесса и составляющих его явлений. Следствием стали раскованность мысли и воображения, обращение к любым исследовательским стратегиям, выработанным современной наукой, принципиальное многоязычие исторической методологии, развитие диалогических форм исторического познания и многое другое, составляющее в своей совокупности основу, на которой может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям.

Сегодня перед исторической наукой Казахстана стоит ряд серьезных задач теоретико-методологического характера, начиная с деидеологизации процесса научного поиска, демифологизации основных исследовательских подходов и завершая восстановлением первоначального объема и содержания исторических источников.

Следует отказаться от любых категорически-однозначных оценок современного состояния казахстанской исторической науки и, в особенности, перспектив ее дальнейшего развития. Все же следует отметить, что одной из важнейших тенденций развития исторической мысли на пороге XXI в. является растущее осознание необходимости повышения социальной активности истории, ее мощного разнопланового воздействия на общественно-политическую жизнь от воспитания исторического сознания до формирования научных основ государственной политики.

Библиографический список

1. Есиповская летопись. Полное собрание русских летописей. – М., 1987. – Т. 36. – С. 104.
2. Историческая топонимика Костанайской области. – Костанай, 2009. – Ч. 1.

3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3.
4. Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI–начало XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Курган, 1999.
5. Русские летописи и официальные материалы XVI–первой трети XVIII вв. о народах Казахстана. – Алматы, 2005. – Т. 2.
6. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004.
7. Тураев В.Т. О характере купюр в публикациях русских землепроходцев XVII в. [Электронный ресурс] // Города и остроги земли Русской. – Режим доступа: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/21>.

ОСНОВАТЕЛИ КАЗАХСКОЙ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

ҚАЗАҚ ҒЫЛЫМ – БІЛІМІНІҢ БӘЙТЕРЕГІ

TOP OF THE KAZAKH ENLIGHTENMENT

Ахметов Т.Ә.

*Костанайский государственный педагогический институт,
Костанай, Казахстан*

Аннотация

В данной статье раскрываются новые грани педагогической деятельности Ибрая Алтынсарина. Показана роль Шокана Уалиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина в развитии духовной культуры казахского народа, а также патриотизм, беззаветное служение родному народу и усердный труд великого педагога И. Алтынсарина в открытии школ на казахской земле.

Ключевые слова: Ибрай Алтынсарин, деятели Алаш-Орды, пассионарность, казахский народ, педагог, школа, просвещение, знание, дети, интернат.

Keywords: Ibray Altynsarin, Alash-Orda figures, passionarity, Kazakh people, teacher, school, enlightenment, knowledge, children, boarding school.

Қазақтың ғылымы мен білімінің даму тарихында үш пассионарлық тұлғаның болғаны